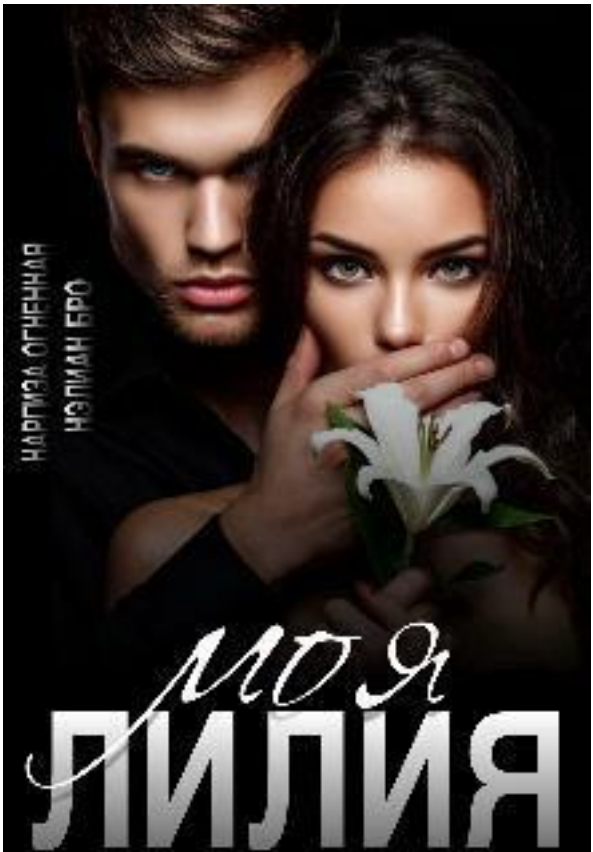

A movie poster featuring a man and a woman in a dark, intimate setting. The man, with light blue eyes and a slight beard, is in the background. The woman, with dark hair and light blue eyes, is in the foreground, holding a white lily flower near her face. The overall mood is romantic and mysterious.

НАРГИЗА ОГНЕННАЯ
НОЛДАН БРО

Моя
ЛИЛИЯ

Наргиза Огненная

Моя Лилия

<https://litres.ru/74205549>

Аннотация

Аннотация:

Недавно я узнала, что мой сводный брат одержим мной. Причём настолько, что уже не может себя контролировать и открыто пристаёт ко мне. Ограждает от всех и не даёт общаться даже с подружками. Ревнует. Я должна принадлежать только ему. И его одержимость дошла до таких размеров, что, кажется, он убил наших родителей.

Кусь:

— Я... я не подглядывала!— вырывается у неё, голос – тоненький, предательски дрожащий. Смешная попытка лжи. Так прозрачно.

Я лишь усмехаюсь глубже, наклоняясь ещё ближе. Чувствую её прерывистое, горячее дыхание на своих губах. Запах её – что-то сладкое, как спелая ягода, смешанное с чистотой и этим едва уловимым страхом, который сводит меня с ума. Он витает вокруг неё, как дымка, и я вдыхаю его полной грудью. Наркотик.

— Врёшь, — шепчу я, почти касаясь её губ своими. Вижу, как зрачки у неё расширяются, темнеют. Страх? Возбуждение? Или и то, и другое? Неважно. Всё это – моё.

— Я видел тень в щели двери. Видел, как ты замерла. Слышал, как ты затаила дыхание.

Мои пальцы мягко, но неумолимо ведут её лицо навстречу моему. Она не сопротивляется. Не может. Парализована. Моим взглядом. Моим прикосновением. Моей волей. Мной.

От авторов: в тексте есть элементы жесткой эротики и нецензурная лексика. Будьте внимательны

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	16
Глава 3.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог.

Спотыкаюсь обо что-то и падаю на колени. Он хмыкает. И смотрит на меня, будто моё место именно здесь, возле его ног.

Я поднимаю глаза и врезаюсь с этой серой реальностью. Стою перед ним на коленях и трясусь от неконтролируемого страха, что сжирает изнутри, но он же и придаёт сил.

Отвечать, смотреть с вызовом и даже в этой позе и положения — не ломаться.

Сопротивляться до последнего.

 — Неужели ты и правда думала, что сможешь скрываться вечно? — тягуче, со свойственной ему хрипотцой и ленивой усмешкой спрашивает меня.

 Всё как обычно. Демьян не меняется. Не видела его девять месяцев, а та же ухмылка, тот же властный голос. Ненавижу его всей душой. Что готова сорваться и расцарапать ему лицо. Пусть мелкая месть, но хоть что-то, чем смотреть в его серые глаза и видеть там свою гибель.
 — А тебе всё не надоело меня преследовать? — слишком жалко прозвучало. Ничего, сейчас горло прочищу и будет нормально.

 Ухмыляться и начинает приближаться ко мне, размашисто и медленно. А по моим нервам с каждым его шагом бьют будто молотком.

 Бам... Бам...

 Присаживается на корточки возле меня и поддевает пальцами мой подбородок, чтоб даже не смела увести взгляд. Как всегда, пытается подавить и подчинить. Впился в меня словно плющ. Глубоко под кожу.

 Он всегда так делал. Любимое его действие.

 — Ты же моя Лилия, а как я буду жить без своего цветочка...
 Пальцы сжали сильнее подбородок, этот ублюдок, резко склоняется и целует меня.
 Не романтично и нежно. А жадно, будто напиться пытается. Будто всегда только об этом и мечтал. Высосать мою душу через рот.

 И в этот момент меня преследует навязчивая мысль: всё это – кошмарный сон. Не может быть, чтобы близкие люди так себя вели. Его взгляд, обжигающий и чужой, не должен был коснуться меня. Не то что его губы, что пытаются подчинить.

 Он не должен был позволять себе даже мимолётной тени таких мыслей в мою сторону. Но почему? Зачем я ему? Жалкая марионетка для забавы? Инструмент для утоления низменного любопытства? Трофеей, которым он будет хвастаться, нанося очередную, кровоточащую зарубку на своём сердце?

Нет... нет... я отказываюсь в это верить. Не хочу видеть его, не хочу слышать его голос, отравляющий мою душу. Целых девять месяцев я жила, словно в убежище, прячась от

его тени, и вот, это чудовище вновь возникло передо мной, воплощаясь в реальность из самых страшных моих кошмаров.

 — Ты болен! — это не вопрос, а приговор, вынесенный в тишине сорвавшегося голоса, стоило ему перестать терзать мои губы.

— Прекрати надо мной издеваться!

 Я смотрю в его глаза – ледяные озёра, в глубине которых плещется пламя тёмного, запретного желания, готового поглотить меня целиком.
 Ублюдок лишь усмехается, и в этой хищной гримасе столько угрозы, что дрожь пронзает меня до костей.

 — Демьян... прошу... отпусти... — сил спорить больше нет, остаётся лишь молить о пощаде.

Глава 1.

Март. За три месяца до выпускного.

Этот день мне запомнится надолго по нескольким причинам.

Во-первых, это был мой день рождения, праздник, когда заветные мечты обретают крылья, а в воздухе витает предчувствие чуда. Во-вторых, мама решила преподнести мне весьма «оригинальный» сюрприз – знакомство с моим будущим отчимом. И, наконец, в-третьих, у этого импозантного мужчины оказался сын, старше меня всего на пару лет.

И вроде бы ничего из ряда вон выходящего не произошло, но тревожный шёпот внутреннего голоса настойчиво твердил об обратном, предвещая перемены, что надвигались подобно грозовой туче.

— Лиля, солнышко, поздравляю тебя с твоим днём рождения!— говорит мама, протягивая ко мне красиво украшенный торт со свечами.— Так как ты у меня уже совсем взрослая, то настало время, мне кое в чём признаться.

Мама замолчала, и я заметила, как дрогнули её руки, держащие торт. Семнадцать свечей горели ровным пламенем, отражаясь в её встревоженных глазах. Я ждала, затаив дыхание, чувствуя, как с каждой секундой нарастает напряжение. Что она хочет мне сказать? Неужели что-то случилось?

— Я... я долго не решалась, но подумала, что именно в такой, семейный для нас день, я и могу признаться.— Видно было, как мамин голос сорвался, а волнение усиливалось.— У меня... появился любимый человек, и он... хочет с тобой познакомиться, — проговорила она запинаясь. Затем обернулась к двери, и в комнату вошёл мужчина. Высокий, с короткой стрижкой и добрыми глазами. Он улыбнулся, протягивая мне руку.

— Лилия, рад, наконец, познакомиться с тобой лично. Меня зовут Игорь. Надеюсь, мы подружимся.

Я машинально пожала его руку, ощущая лёгкое замешательство. Всё происходило слишком быстро. Только что я загадывала желание, глядя на горящие свечи, и вот уже передо мной стоит незнакомый мужчина, претендующий на роль моего отчима.

— И я бы хотел тебя поздравить не один. У меня есть сын. Он сейчас подойдёт, — добавил Игорь, и в комнату вошёл парень. Высокий, темноволосый, с пронзительным взглядом серых глаз. Моё сердце почему-то пропустило удар. В нём было что-то притягательное и одновременно отталкивающее. А ещё...

— Это мой сын, Демьян, — представил его Игорь. Положив свою руку ему на плечо. Было видно, как парень слегка повёл плечом. Будто сбрасывая руку. — Демьян, это Лилия...

Стоило этим словам повиснуть в воздухе, как парень

впился в меня своим тяжёлым взглядом. Я уже говорила, что у меня мурашки от этого бегут? Так вот, сейчас был не просто дискомфорт, а настоящий холодный водопад, который, казалось, хлынул прямо на меня.

Я аж забыла, как дышать.

— Теперь можно сказать, твоя... сестра,— как бы невзначай добавил мой будущий отчим.

Парень слегка улыбнулся, и от этой улыбки по спине пробежал холодок.

Да, что же мне так не по себе только от одного его присутствия?

— С днём рождения...

Он подаёт мне большой букет с белыми лилиями, который я не сразу заметила в его руках. Глупо перевожу на них взгляд, так как всё это время рассматривала черты лица своего родственничка.

И стоит мне потянуть руки, чтоб взять его. Как он чуть склоняется и произносит с приторной улыбкой на губах:

— Сестрёнка.

И так это гадостно прозвучало, что хотелось бросить букет на пол, побежать в ванную и отмыться.

Вот такой подарочек получила я на свое совершеннолетия. Где у меня нежданно, негаданно, появляется отчим и сводный брат.

Причём с явными странностями. Иначе я никак не могу объяснить, почему его взгляд на меня выглядит так, будто он

готов сожрать. Прямо здесь и сейчас.

А в довершение ко всему вышеизложенному, мы ещё и в их дом переезжаем.

Хорошо, что хоть школу мне позволили закончить в своей. Правда ехать до неё теперь, не меньше часа.

— Милая, не переживай. Все будет хорошо,— успокаивающе произносит мама, касаясь моей руки через стол. Возможно, она и права, но сердце предательски екает, словно предчувствуя что-то нехорошее.

Едва отгремели фанфары моего дня рождения, как за несколько дней мы и переехали. Дни прошли в лихорадочной спешке: я упаковывала свои вещи, стараясь не упустить ни единой мелочи, торопливо рассовывая их по пакетам и коробкам, словно бежала от прошлого.

Первый завтрак в новом доме. За столом пока лишь мы с мамой, и это немного успокаивает. Мне пока сложно привыкнуть к мысли, что теперь мы не одни. Но я стараюсь, честное слово.

Весь вечер вчера разбирала коробки и обживалась в своей новой комнате. Которая, на удивление, оказалась весьма уютной и милой. Дядя Игорь постарался.

Отцом я его, конечно, называть не буду, просто язык не повернётся. Но мы в прошлый раз сошлись на Дяде. И меня, и его это устроило.

Да и вообще. У них шикарный дом. Понимаю, почему он настоял переехать к нему.

Мы с мамой не бедствуем. Благодаря, кофейне, что они ещё с папой открывали. У нас достаточно денег и на жильё, и на наши женские хотелки. Но с домом отчима не сравнится. В одном из элитных районов, где у каждого двух, а то и трёхэтажные дома. Свой сад и дворик с газончиком.

Надо ради приличия узнать у мамы, чем хоть занимается мой отчим. А то мало ли, он бандит, какой-то.

А то как-то за всей этой суетой и моим шоковым состоянием, я даже не поинтересовалась.

На кухню заходит Демьян.

И нет, я это поняла не потому, что увидела его. А по холодным мурашкам, что прошлись по моему позвоночнику. Стоит ему оказаться поблизости, как мой внутренний мир переворачивается с ног на голову. Тем самым лишая меня возможности нормально дышать. А эти его серые глаза, которые впиваются в меня, уже начали сниться мне во сне. Жуть.

— Доброе утро, Демьян,— вежливо произносит мама.

Ну а мне яичница уже в горло не лезет. Поеду-ка я.

Потихоньку поднимаюсь, как мама останавливает.

— Милая, ты не торопись. Демьян тебя отвезёт. Он всегда в это время едет в универ и может по дороге высадить тебя у школы.

Зашибись!

— Могу сама,— буркнула я, словно капризный ребёнок. Так и хочется самбй себе подзатыльник дать. Ну вот чего я, спрашивается, боюсь? Что он мне сделает?

Всё это время Демьян вёл себя, как настоящий старший брат. Носил коробки. Помогал всячески с переездом. Единственное, его это издевательское «сестрёнка», звучало так, будто он хочет меня этим задеть. Ну или показать, что я ни-хрена не сестра ему.

— Беспроблем, Тётя Оля, — вот опять, так мамино имя произнёс, что хочется ему подзатыльник дать.

Мама никак не стала комментировать его интонацию. Я заметила, она вообще избегает с ним на какой-либо конфликт идти или даже замечание делать. Будто опасается. А может, потому, что пытается как-то, тоже вжиться в новую реальность.

Мы все немного осторожничаем, но мне не мешает всё равно встать из-за стола. Есть уже не буду, а сидеть с ним за одним столом, приравнивается к извращённой пытке.

— Подожду на улице,— произношу быстро, будто меня черти гонят. Хотя я и не смотрела в сторону своего названного брата, когда выходила прочь из столовой, а вот его взгляд на своей спине ощущала отчётливо. Словно во мне дыру хотели прожечь.

Ну вот и зачем он так делает? Что он хочет этим показать? Свою неприязнь ко мне?

Передёргиваю плечами, сбрасывая это дурацкое оцепенение, которым он окутывает меня каждый раз.

На крыльце и правда становится легче. Свежий воздух, тишина и такое тёплое солнышко, которое радует своими лу-

чами. Одним словом — Весна.

Закрываю глаза и наслаждаюсь теплом. Но мне начинает мешать тень, что вдруг оборвала те самые солнечные лучики. Приоткрываю один глаз.

Демьян стоит надо мной. Облокотился рукой об стену над моей головой и прям навис.

Надо запомнить, что на лавочку больше не садиться, потому что теперь я себя в капкане чувствую.

— Ну что? Поехали...сестрёнка.

А сам даже не шелохнулся. Продолжает нависать. Я если вставать начну, то обязательно задену его. А мне бы хотелось всячески избежать контакта с ним.

— У тебя хоть права есть?— недоверчиво спрашиваю я, слегка прищурившись.

Улыбка медленно расходится на его лице, пока он ниже склоняется ко мне. А ведь я не такого эффекта добивалась.

— Трусись?— обдаёт меня мятным дыханием.

По звуку я легко определяю, что он сосёт мятную конфетку, тем самым привлекая мой взгляд к своему рту. И он замечает это. Зажимает конфетку между зубов и спрашивает, как ни в чём не бывало:

— Хочешь?

Чего?! Кажется, у меня начались слуховые галлюцинации. Ведь не мог же он мне предложить забрать сладость прямо из своего рта? Или мог?

Пока я молча туплю от его странного предложения, он

склоняется и прикасается к моим губам своими, а потом проталкивает языком свою конфету прямо мне в приоткрытый рот. Но

Все происходит настолько быстро, что я не успеваю среагировать, лишь жалобно пишу, а стоит ему отстраниться, сразу прикрывая губы рукой.

— Что ты творишь?

Но он не отвечает. Быстро выпрямляется, тем самым дав возможность мне встать с этой проклятой лавочки.

— Пошли уже, а то опоздаем, — говорит он, крутя ключами от машины на пальце. Жмёт кнопку на брелке, тем самым разблокировав самую дальнюю машину на их дворе. Дорогая, спортивная машина.

Не знаю, почему, но я сразу подмечаю несколько вещей: во-первых, его явная любовь к багровому цвету. Во-вторых, это лишь первый день моего заточения в этом доме, а впечатлений уже накопилось на целую жизнь.

Глава 2.

Так прошла моя первая неделя в новом доме, где я старалась избегать Демьяна, проводя большую часть времени в своей комнате, находившаяся на втором этаже. Но даже толстые стены не могли оградить меня от ощущения его присутствия. Казалось, он везде: его шаги в коридоре, низкий голос снизу, этот тяжёлый, колючий взгляд, который я ловила случайно, когда пересекались на лестнице или в кухне. Он всегда смотрел так, будто видел что-то во мне, чего я сама не понимала.

Дядя Игорь был добр и старался: спрашивал про школу, предлагал помощь с уроками, однажды принёс мои любимые пирожные. Но его доброта казалась хрупким мостиком над пропастью, в которой клубилась непонятная мне напряжённость между мной и его сыном. Мама всё чаще обменивалась с Игорем тихими, значимыми взглядами, погружаясь в их новый мир, где я чувствовала себя лишней, заблудившейся гостьей. А Демьян... Он был как тёмная, магнетическая точка в этом новом пространстве. Его «сестренка» звучало всё более язвительно, а взгляды – все более... голодными? Нет, это слишком сильно. Навязчивыми? Да, пожалуй.

А тот мартовский вечер я не забуду никогда. Он навсегда врезался в память ледяными осколками. Ведь именно он

разделил мою жизнь на «до» и «после».

Стояла глубокая ночь. Тишина в большом доме была почти звенящей, нарушаемая лишь скрипом старых половиц и далёким гулом ночного города. Я допоздна сидела над учебником по литературе – предстояло сочинение, мысли путались, а в голове, помимо образов Достоевского, навязчиво крутился образ серых, насмешливых глаз. Вдруг резко захотелось пить. Сухость во рту была нестерпимой. Я вздохнула, отложила книгу. Нужно было идти вниз, на кухню.

На цыпочках, стараясь не скрипеть, я спустилась по лестнице. Внизу было темно, только слабый свет от уличного фонаря пробивался сквозь большое окно в холле, рисуя на полу длинные, причудливые тени. Я уже прошла мимо гостиной, направляясь к кухне, как вдруг услышала... звук. Тихий, прерывистый, доносящийся из-за приоткрытой двери его комнаты, которая была рядом с моей лестницей на второй этаж.

Это был не скрип кровати и не шорох страниц. Это был сдавленный стон. Или шёпот? Я замерла, вжавшись в прохладную стену, сердце колотилось где-то в горле, предательски громко в этой тишине. Любопытство – глупое, опасное – пересилило осторожность. Я сделала крошечный шаг вперёд, к щели в дверном проёме.

Луна, яркая и почти полная, заглядывала в его окно, освещая комнату холодным серебристым светом. Он сидел на кровати, спиной к двери, но я видела его профиль в лун-

ном сиянии. Голова была запрокинута, глаза закрыты, на лбу блестела испарина. Его острые черты лица делали контраст и будто боролись за первенство лучшего с его пухлыми губами. А обнажённое рельефное тело, которое могло бы приковывать взгляд, если бы не руки, находившиеся внизу, которые двигались с явным, не оставляющим сомнений в ритме. Воздух в комнате казался густым, насыщенным чем-то запретным, животным.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а потом хлынула обратно, обжигая щёки. Мне стало душно, нечем дышать. Я хотела отпрянуть, убежать прочь, раствориться в темноте, но ноги словно вросли в пол. В ушах стоял шум, но сквозь него, сквозь сдавленное дыхание, я вдруг услышала... своё имя.

— Ли..лия... — вырвалось у него хриплым, прерывистым шёпотом.

Не «сестрёнка». Не издёвкой. А именно так – «Лилия». С каким-то невыносимым напряжением, почти болью, смешанной с тёмным, незнакомым мне до сих пор чувством.

Это было как удар током. Имя, произнесённое в такой момент, в таком контексте, прозвучало страшнее любого оскорбления. Оно связывало меня с этой интимной, постыдной сценой невидимой нитью, делало меня, ее невольной участницей, объектом его... фантазий.

Я отшатнулась от двери, как от огня, и бесшумно, словно тень, скользнула обратно к лестнице. Дыхание сбилось, в

висках стучало. Забыв о жажде, я пулей влетела в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаясь унять дрожь.

Я долго не могла прийти в себя, чувствуя себя грязной и униженной.

Как он мог? Как он посмел? Неужели Демьян видел во мне только объект вожделения, плод больного воображения?

Мысли метались, как пойманные птицы, пытаюсь найти выход из этого кошмара. Я ненавидела его за это. Ненавидела за то, что он заставил меня почувствовать себя так, за то, что украл мой покой, за то, что разрушил ту хрупкую надежду на нормальную жизнь, которая едва успела зародиться.

Но, как ни странно, вместе с ненавистьюросло и какое-то странное, пугающее любопытство.

Что это было? Что он чувствовал, произнося моё имя? Почему именно я?

Эти вопросы терзали меня, не давая уснуть. Я пыталась убедить себя, что это всего лишь плод моего воображения, случайность, недоразумение. Но что-то внутри противилось этому, подсказывая, что всё гораздо сложнее и запутаннее.

Наутро, когда я уже выходила на крыльцо, резко остановилась и поняла, что мне же с ним снова ехать в одной машине.

Обычно наши поездки проходили в полной тишине. Где я надевала наушники, включала музыку и смотрела исключительно в окно, пытаюсь любоваться пейзажами. Но сейчас

чётко понимаю, что не смогу.

— Ну что замерла в дверях? — грубый вопрос прилетает совсем близко. Почти возле моих волос на макушке.

Дёргаюсь. Больше от неожиданности.

А что такой недовольный? После своих ночных действий по законам природы должен быть, наоборот, в более добродушном расположении духа.

Встречаемся взглядами. И как всегда реакция моего тела не заставляет себя ждать. А его серые глаза, кажутся ещё более голодными.

— Я сегодня на такси поеду. — чуть ли не заикаясь, еле шевеля губами. Ну не смогу я с ним поехать.

Я уже, как увидела его, так перед глазами его запрокинута голова и хриплый голос, что произносит моё имя.

— Если сегодня не в школу, то отвезу, куда скажешь, — чуть ли не рычит на меня и обходит, идёт к своей тачке. Что так и выделяется своим багровым цветом на общем фоне. Как яркое пятно на идеальном белом листе.

Вот так и его взгляд отличается от всех остальных, что меня окружают.

— Я сама доеду, — стою на своём, хотя ой как вытолкать любое слово из себя сложно. Особенно когда он медленно поворачивает голову и выразительно так хмурит брови. Будто, я мелкая букашка, пытающаяся насолить огромному зверю. И он даже писк мой слышать не хочет. И если не сделаю, что говорит, то просто придавит лапой.

Устало выдыхаю и сдаюсь. Не смогу я с ним спорить. Просто не получается. В общем, моей решимости только на это и хватило.

Чуть потерпеть в его маленьком салоне машины. Подумаешь? Ведь правда?

В этот раз наушники не надеваю. А толку? Так и слышу в голове своё имя, сказанное его голосом.

Его запах забрался мне в лёгкие и тоже не отпускает. Скобывает. Я будто вся в его власти. Хотя он сидит расслабленно. И водит одной рукой. И вообще, мне кажется, что когда мы с ним вот так едем вдвоём (в этой тишине), он кажется более умиротворённым. Будто всё как надо. Так и должно быть.

Сейчас понимаю, что назови он меня по имени... Ой, нет, лучше и дальше пусть зовёт меня «сестрёнкой». Так даже лучше.

— Так куда тебе?

Разрывает его голос мой вакуум, в который я успела погрузиться.

— А? Что?

Максимально глупо, но я правда не поняла.

— Ты говорила тебе не в школу, так куда?

Вот же... Я уже и забыла, что врала ему, лишь бы не оставаться с ним наедине в замкнутом пространстве.

— В школу. Написали, что всё отменилось... — дурацкая привычка, прикусывать нижнюю губу, когда начинаю открывать

венно врать ему снова. А что ещё делать?

Но Демьян никак не реагирует на мои слова, лишь продолжает молча ехать уже по знакомому мне маршруту. Не знаю, понял он или нет, что от него так избавиться хотят, но реакции никакой нет. Вот и славно. Хотя, а не всё ли равно?

Стоит машине остановиться у ворот школы, я как ошпаренная вылетаю из неё, хлопнув смачно дверью. Блин, случайно вышло.

Надо, поговорить с мамой, чтобы прекратить эти катания с моим «братиком». Не хочу больше врать и притворяться, что всё хорошо. Ни черта ничего хорошего! Всё плохо... очень-очень плохо.

Уроки проходят в одно мгновение за всеми этими размышлениями. Помню, как я пришла, и вот снова пора уходить.

Прохладный весенний ветер треплет волосы и приятно обдувает лицо. Такая свежесть. Да и я уже успела успокоиться и даже придумать план, как отвязаться от сводного брата. Поэтому настроение просто шикарное.

Прикрыла глаза.

— Пока, Лиля!— слышу голос одноклассницы и открываю глаза, чтоб тоже с ней попрощаться, но резко встречаюсь с серым омутом.

Демьян стоит прямо надо мной, его лицо настолько близко, что еще пару сантиметров сократить и мы встретимся носами.

Как я его не почувствовала.

Он поджидал меня у ворот? Но зачем? За всё это время ни разу так не делал. Меня забирал Дядя Игорь или мама. Она как раз ехала домой после того, как проверит работу в кофейне.

Сердце бешено заколотилось. Я попыталась пройти мимо, но он преградил мне путь, делая шаг в сторону.

— Нам нужно поговорить, «сестрёнка», — произнёс он, растягивая слова. В его голосе слышались стальные нотки.

Неужели настроение с утра не улучшилось?

— Мне не о чём с тобой разговаривать, — ответила я, стараясь сохранить спокойствие.

— Ошибаешься. Ты мне очень интересна, Лилия. Слишком интересна.

Он сделал шаг ко мне, и я невольно отступила. Его серые глаза прожигали меня насквозь. Я чувствовала себя загнанной в угол.

«Интересна». Это слово впечаталось сейчас в мою подкорку. Что я напугалась.

— Держись от меня подальше, извращенец!

Твою ж мать... зачем я вообще это лягнула, даже не подумав? Случайно вырвалось, но слово не воробей...

Глава 3.

Мой цветочек назвал меня извращенцем. Интересно. Губы сами собой расплываются в ухмылке, так как я сразу улавливаю эту перемену в поведении МОЕЙ девочке. Ещё вчера она избегала меня, но молча соглашалась со всеми моими действиями, а сейчас решила устроить бунт. Выводы сами собой напрашиваются.

— Подглядывала. — не спрашиваю, а утверждаю. — Понравилось, что увидела ночью?

И когда я решил, что она МОЯ? Сразу же. Как увидел. Как только мой взгляд уловил её нежные черты, алые губы, прекрасные длинные шоколадные волосы, что так красиво обрамляли хрупкие плечики и лицо. Я чуть не уронил букет.

Честно? Вначале я вообще не хотел идти на это дебильное знакомство. Мне было плевать, что там у моего старика вдруг моча в голову стукнула. Я его не видел лет пять. Как он после маминой смерти, засунул меня в школу-интернат, так бы и ещё столько же бы не видел. Но!

Я поступил в универ, а у моего старика на старость лет сработал гормональный сбой. Чувства отцовские неожиданно проснулись. Решил, чтоб я дома жил с ним. Типа налаживали контакты, отношения.

Срать мне уже! Ты мне нужен был тогда! После смерти мамы. А сейчас я и сам хорошо со всем справляюсь. При-

вык. Да и вообще... Мы, бя, как ни крути, с ним похожи. Он отшельник и замкнутый в себе. И я такой же. Мне никто никогда не был нужен.

Только вот... Его это: «Одно знакомство и я от тебя отстану», прям подкупило.

Ну а что, я не могу паинькой побыть пару часов?

А ещё план был насолить отцу. Сделать маленькую месть. Но вот её карие глаза, всё, бя с ног на голову перевернули. Просто. Миг. Встреча глазами. И...ПФ!

Она в моей голове. Под кожей, прям в сердце, очень глубоко зарылась. Да что там, душу мою откопала, легла туда и сама же себя обратно землей присыпала. Чтоб уже выдрать ее оттуда нельзя было.

И нихрена она мне не сестра. Вот честно, впервые за это время, даже благодарен бате. Потому что стою сейчас и смотрю, как она прямо на глазах заливается краской. Вижу, как плотно сжимаются её пухлые губы, взгляд отведён в сторону, как она переминается с ноги на ногу. Такая невинная, такая чистая, такая МОЯ.

В голове сразу встаёт её образ на коленях, где бы она заглатывала мой член таким вот своим непорочным видом и смотрела на меня чистыми, полной невинности глазами.

Вот и как тут себя держать в руках рядом с ней?

Если бы она могла залезть вовнутрь моей черепной коробки и увидеть то, что я хочу с ней сделать прямо сейчас, то бежала бы сверкая пятками, а не стояла, здесь подбирая

нужные слова для ответа. А ведь мне этого не нужно. Чтобы сейчас Лилия не сказала, я уже знаю.

И это ни хуя не изменит.

Вначале хотел, постепенно приручать. Даже думал, ухаживать, как за настоящим цветочком. Ведь они любят это. Расцветают, становятся ещё более краше и радуют глаз.

Но её утреннее настроение, дало понять, что никаких ухаживаний не примет. И кажется, я её немного напугал. Ничего. Привыкнет. И не такое увидит и даже сделает.

Член в штанах настолько уже затвердел, что не даёт покоя. Ему срочно нужен выход. А как мне он нужен. Ночные игры, мне вообще никак не помогают. Стоит кончить, как я готов.

А рядом с ней, так вообще огненная бездна.

И понял, что с ней не надо мягко. А то выскользнет. Она уже МОЯ, ей просто нужно уже свыкнуться с этим. Понять, принять и смириться с неизбежным.

Поэтому и пришёл, сейчас. Показать, раскрыть все карты. Пусть уже начинает осознавать реальный расклад вещей.

Сделал себе единственный стоп — не трахать её до восемнадцатилетия.

Но ведь всё остальное то можно! И самое сильно меня притягивают губы.

Не слышу, что она там пытается всё же сказать. Подаюсь вперёд. Обхватываю её лицо руками и делаю, то, что хотел ещё с того момента, как отдал ей мятную конфетку.

Её кожа под моими пальцами пылает. Как живой уголёк.

Я чувствую, как мелкая дрожь пробежала по её телу, когда мои ладони прижались к вискам, большие пальцы скользнули по скулам. Глаза – огромные, испуганные – мечутся, пытаются отвести взгляд, но я не позволяю. Заставляю смотреть на меня.

Смотри, цветочек. Смотри, кто твой хозяин.

— Я... я не подглядывала!— вырывается у неё, голос – тоненький, предательски дрожащий. Смешная попытка лжи. Так прозрачна.

Я лишь усмехаюсь глубже, наклоняясь ещё ближе. Чувствую её прерывистое, горячее дыхание на своих губах. Запах её – что-то сладкое, как спелая ягода, смешанное с чистотой и этим едва уловимым страхом, который сводит меня с ума. Он витает вокруг неё, как дымка, и я вдыхаю его полной грудью. Наркотик.

— Врёшь, — шепчу, почти касаясь её губ своими. Вижу, как зрачки у неё расширяются, темнеют. Страх? Возбуждение? Или и то, и другое? Неважно. Всё это – моё.

— Я видел тень в щели двери. Видел, как ты замерла. Слышал, как ты затаила дыхание.

Мои пальцы мягко, но неумолимо ведут её лицо навстречу моему. Она не сопротивляется. Не может. Парализована. Моим взглядом. Моим прикосновением. Моей волей. Мной.

— Понравилось? Понравилось, что твой будущий брат дрожит на тебя в темноте? Что он представляет твои губки...

вот так...

Расстояние исчезает.

Мои губы накрывают её полуоткрытые, дрожащие уста. Жёстко. Властно. Без просьбы, без сомнений. Её маленький вскрик глохнет у меня во рту. Тело её напрягается как струна, готовая лопнуть. Я чувствую, как бьётся её сердце – бешено, как пойманной птички – прямо сквозь тонкую ткань платья, сквозь мою рубашку, прижавшую её ко мне.

Она не целует в ответ. Застыла. Но и не отталкивает. Её губы – невероятно мягкие, пухлые, точно как я представлял тысячу раз. Сладкие. Невыносимо сладкие. И тёплые. Горячие. Мой член бешено пульсирует в тесных джинсах, больно упираясь в её бедро.

Боже, как же больно и как же хорошо.

Впиваюсь в её губы, заставляя их приоткрыться шире, мой язык скользит по её нижней губе, требуя доступа. Её руки беспомощно упираются мне в грудь, но толкнуть не могут.

Я углубляю поцелуй, мой язык, наконец, встречается с бархатом её рта. Она вздрагивает всем телом, тихий стон – смесь ужаса и чего-то ещё – застревает у неё в горле. Тоненькие пальцы впиваются в мою рубашку. Не отпихивают. Цепляются. Как утопающий. Или как тот, кто падает в бездну.

В голове грохочет адский микс: ее вкус, ее запах, тепло ее тела, мелкая дрожь, заплутавший стон, жгучая боль в паху и безумное, всепоглощающее чувство обладания.

Моя. Моя. Моя.

Это слово бьётся в висках в такт её бешено колотящемуся сердцу. Я прижимаю её ещё сильнее к себе, чувствуя каждую линию хрупкого тела, каждый изгиб. Моя рука соскальзывает с щеки, опускается ниже, скользит по шее, ощущает бешеный пульс под тонкой кожей, цепляется за хрупкую ключицу. Она вся – дрожащее пламя в моих руках. И я буду гореть вместе с ней.

Отрываюсь от её губ только для того, чтобы вдохнуть. На миг. Её губы запёкшиеся, чуть припухшие от моего натиска. Глаза – огромные, мокрые, полные слёз, которые вот-вот хлынут. Дыхание – частое, прерывистое. Она смотрит на меня, словно не понимает, что только произошло. Словно пытается осознать невозможное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.